

Вера Мильчина

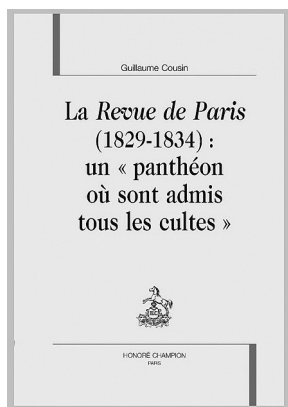
Портрет журнала романтической эпохи

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_333

Cousin G. *La Revue de Paris* (1829—1834): un «panthéon où sont admis tous les cultes».

Paris: Honoré Champion, 2021. — 692 p. — (Romantisme et modernités. 197).

Есть вещи, которыми мы пользуемся, совершенно не задумываясь об их происхождении и эволюции. Вот вилка, например, или ложка: за обедом никто не ищет ответа на вопрос о том, в каком веке и в каком контексте они были изобретены. Примерно так же всякий, кто занимается историей французской литературы первой половины XIX в., пользуется журналом «Revue de Paris». Ведь здесь были впервые напечатаны знаменитые статьи Шарля Нодье «О фантастическом в литературе» и «О типах в литературе», здесь Проспер Мериме опубликовал новеллы «Матео Фальконе», «Федерико» и «Заколдованное ружье», Бенжамен Констан — «Размышления о трагедии», а Бальзак — «Покинутую женщину», «Мэтра Корнелиуса», «Феррагуса» и многое другое. И вот каждый, кому приходилось комментировать эти произведения, начинает комментарий с фразы: «Впервые — в “Revue de Paris” в таком-то году и таком-то томе», — как правило, не думая о журнальном контексте, в котором комментируемый текст впервые увидел свет.

Но после прочтения книги профессора Университета Артуа (Аппас) Гийома Кузена «“Revue de Paris” (1829—1834): “пантеон, где поклоняются всем богам”» выводить механически это самое «Впервые — в “Revue de Paris”...» становится уже невозможно, потому что в этой книге журнал представлен как целое, как полноправный участник литературного процесса. Впрочем, прежде чем говорить о книге Кузена, необходимо сделать несколько переводчески-терминологических уточнений. Первое касается самого названия журнала. Упомянуть его можно тремя способами: писать название по-французски — «Revue de Paris», в кириллической транскрипции — «Ревю де Пари» или в переводе — «Парижское обозрение»; каждый вариант имеет

свои достоинства и недостатки; в рамках этой рецензии я буду пользоваться сокращением РП (от «Ревю де Пари»). Второе уточнение касается слова «журнал». В названии РП не случайно фигурирует слово *revue* — обозрение. Им обозначали в начале XIX в. (первоначально в Англии, где выходили ежеквартальники «Edinburgh review» и «Quarterly review») особый жанр — обзор всех литературных и/или политических явлений, вызывающих интерес в обществе. Люди первой половины XIX в. четко отличали *review*, или *revue*, от изданий, выходящих чаще; А.И. Тургенев сетовал о том, что пушкинский «Современник» будет *review*, а не журналом: «Я собирался быть его деятельным и верным сотрудником и сообщать животрепещущие новинки из области литературы и всеобщей политики; но какой интерес

могут иметь мои энциклопедические письма чрез три или четыре месяца?»¹ Однако РП — периодическое издание, включавшее в себя художественную литературу (прозу, стихи и пьесы), а также историко-литературные аналитические статьи и рецензии на новые книги, — хоть и назывался *revue*, но с современной точки зрения представлял собой самый настоящий толстый (250—300 страниц) *журнал*. Так что я буду, как это обычно и делается, называть его журналом, не уточняя: журнал-обозрение.

Теперь можно вернуться к книге Кузена. Первая бросающаяся в глаза ее особенность — чрезвычайная точность во всем, вплоть до мельчайших деталей, и такая же чрезвычайная дотошность. В книге масса точных и выразительных сведений обо всем, что касается денежных расчетов. Например, одной из проблем, затруднявших существование РП, были контрафактные перепечатки в Бельгии (в трех городах: Генте, Льеже и Брюсселе), причем перепечатывались не только отдельные публикации, но и весь выпуск целиком. Через 8—10 дней после появления парижской тетрадки бельгийские типографы уже заново набирали ее в своих типографиях, а затем не только продавали в Бельгии, но и отсылали в Германию и Россию; поскольку им не приходилось платить авторам, издание стоило дешевле, и наличие такого «конкурента» оказывалось разорительным для РП. В общем виде это давно известно, но Кузен приводит цифры: в 1836 г. годовая подписка на бельгийский РП стоила 15 франков, тогда как за подписку на оригинальный, парижский РП иностранцам пришлось бы заплатить целую сотню. Сравнение выразительно само по себе, но Кузен еще и подсказывает, как понять, чему соответствуют называемые суммы в нынешних евро: нужно увеличить сумму во франках в три с половиной раза. Именно для борьбы с бельгийскими перепечатками третий по счету директор (так именовался во Франции главный редактор) РП Амедей Пишо заключил договор с Фердинандом Беллизаром, издателем французского петербургского журнала «*Revue étrangère*» («Иностранное обозрение»). В Петербург за 10—12 дней до публикации в Париже высылались чистые листы, и Беллизар помещал их в своем издании; сколько он платил парижской редакции, неизвестно, зато известно, каким образом происходила пересылка: через контору Дюфура и К^о, по адресу: Новая улица святого Роха, дом 37, и Кузен со свойственной ему любовью к точности и обстоятельности не упускает возможности это указать².

Но это все мелочи — хотя и очень важные, — что же касается книги в целом, то можно сказать, что она в определенном смысле эквивалентна описываемому в ней журналу. Кузен несколько раз употребляет применительно к РП слово «энциклопедия», поскольку видит в нем энциклопедию (и лабораторию) литературных жанров и форм. Так вот, и саму книгу Кузена тоже можно назвать энциклопедией литературного процесса во Франции на рубеже 1820—1830-х гг., потому что в ней так или иначе затронуты все литературные (а отчасти и политические) явления этой эпохи. Вы хотите узнать, что представляло собой поле французской периодики в этот период, какие литературные жанры доминировали и эволюционировали, а какие стагнировали и отходили на задний план, как французская литература взаимодействовала с литературами иностранными, — обо всем этом и о много другом Кузен пишет в своей монографии, потому что все это напрямую касается его «героя» — журнала РП.

1 *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.; Л.: Наука, 1964. С. 88.

2 Добавлю от себя, что это не единственная форма контакта РП с Россией; переводы из этого журнала появлялись на страницах русской периодики 1830-х гг. очень часто и порой почти сразу после публикации во Франции; но это тема отдельного исследования.

О богатстве содержания книги, созданной на пересечении истории литературы и истории прессы, можно судить уже по ее оглавлению — очень подробному и четкому. Книга делится на две части: «РП в своей эпохе» и «РП: художественная литература и литературная критика». В первой части речь идет сначала об истории создания РП, затем о его политической эволюции и, наконец, о месте РП среди других периодических изданий и об откликах на него не только в газетах и журналах, но даже в водевилях, где этот журнал порой выступал в качестве действующего лица (эта часть особенно ценна, потому что содержит краткую, но емкую характеристику разнообразных предшественников и конкурентов РП в поле периодики). Вторая часть делится на два раздела: в первом идет речь о художественных произведениях, увидевших свет на страницах РП, в следующем порядке: проза — драма — поэзия. Во втором разделе рассматриваются историко-литературные и литературно-критические сочинения, напечатанные в РП; здесь порядок рассмотрения соответствует тем разделам, на которые делились выпуски журнала: «Древняя литература» — «Современная литература» — «Иностранная литература».

Один из главных тезисов, на котором Кузен настаивает, споря с коллегами: образцом, «матрицей» французских «толстых» журналов-обзоров, в которых наряду с литературной критикой печаталась художественная литература и в которых с рецензиями на отдельные книги соседствовали аналитические статьи-обзоры, следует считать не журнал «Revue des Deux Mondes» («Ревю де дё Монд», или «Обозрение Старого и Нового света»), которому традиционно отводят эту роль³, но именно РП, который был создан на два года раньше и который первым воплотил новую формулу: эlegantный журнал для мыслящих людей. Между тем, в отличие от своего ближайшего конкурента, РП никогда не становился предметом монографического исследования, и книга Кузена исправляет это упущение.

Для начала нужно, следуя за Кузеном, объяснить, что представлял собой журнал, первый выпуск которого вышел в свет 12 апреля 1829 г. РП, как уже было сказано, печатался еженедельными выпусками по 64 страницы формата ин-октаво, выходившими в воскресенье (выпуски эти не датированы, поэтому день их появления историки вынуждены определять по косвенным доказательствам). Четыре-пять выпусков с единой пагинацией составляли один том, который подписчики могли отдать переплетчику, чтобы получить полноценную книгу с оглавлением в конце. За год выходило 12 таких томов-книг. С 19 декабря 1830 г. по 23 октября 1831 г. к трем разделам, которые я только что упомянула, прибавилась рубрика «Политическое обозрение». В 1830-е гг. три раздела сменились более дробными рубриками, такими как «Путешествия», «Париж», «Итальянская литература», «Нравы Нижней Бретани» и т.д. Кроме того, с самых первых выпусков в РП присутствовала рубрика «Библиографический бюллетень», содержавшая короткие аннотации книжных новинок, а с 8-го тома ее сменил «Альбом», где такие аннотации стали чередоваться с пунктирной хроникой светской и/или политической жизни. Основатель и первый директор РП Верон писал об «Альбоме» 1 ноября 1829 г., что это «салон рядом с трибуной, будуар подле портика или, еще точнее, эпистолярный постскрипtum к книге, где наряду с Парижем рассуждающим и философствующим получит слово другой Париж — действующий, подвижный и делящийся не менее любопытными впечатлениями» (с. 160). «Альбом» сохранял для потомков мимолетные детали повседневности, которые Кузен цитирует довольно скупно, поскольку эта тема интересует его не в первую очередь, но даже среди этих скупых цитат по-

3 Утверждение этой мысли см. в авторитетном издании: *Loué T. La revue // Civilisation du journal. Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle / Sous la dir. de D. Kalifa et al. Paris: Nouveau monde, 2011. P. 333—357.*

падают превосходные. Например, 1 ноября 1829 г., когда РП еще стоял на откровенно либеральных позициях, хроникер журнала сообщает: теперь, когда и в партере зрители сидят в удобных креслах, аристократы, чтобы выделиться, потребовали себе привилегию зажигать в ложах свечи; но театральная дирекция, возмущенная подобным пережитком старого порядка, разрешения не дала!

РП, как и вся периодика того времени, распространялся только по подписке, цена которой была обозначена на каждом томе: для парижан 20 франков за 3 тома, 40 — за 6, 80 — за 12. Провинциальным жителям подписка обходилась чуть дороже, так как прибавлялась стоимость доставки: 90 франков за 12 томов; для заграничные еще дороже: 100 франков за 12 томов.

В чем была новизна РП? Он печатался на роскошной бумаге формата «большой виноградный» (самый большой из форматов, используемых для книг ин-октаво, называвшийся так по водяному знаку с изображением винограда), крупным шрифтом, выгодно отличавшимся от мелкого, который использовали малоформатные литературные газеты, где на полосе размещались две, а то и три колонки. Самым же большим новшеством (хотя для нас это вещь совершенно привычная) был тот факт, что все большие публикации, как художественные, так и литературно-критические, были в журнале подписаны именами авторов (прежде в журналах это было отнюдь не обязательно, а в ежедневных политических газетах оставалось необязательным вплоть до середины XIX в.; впрочем, политическая хроника и в РП точно так же печаталась без подписи). Идея публикации подписанных материалов imponировала авторам, поскольку снимала с них ответственность за другие тексты, напечатанные в том же журнале. Для редакции же подписи были важны по двум причинам: с одной стороны, это позволяло журналу предъявить, как говорится, товар лицом, привлечь читателей именами знаменитых авторов, с другой же стороны, наличие подписей напоминало о том, что у журнала нет единой позиции, что он готов предоставлять трибуны и классикам, и романтикам, и либералам, и людям более умеренных взглядов. Отсюда выражение «пантеон, где поклоняются всем богам», — характеристика журнала, предложенная его первым директором Луи-Дезире Вероном в ноябрьском выпуске 1829 г., в представлении новой рубрики «Альбом». Кузен так дорожит этой характеристикой, что не только поставил ее в подзаголовок своей монографии, но и процитировал не меньше тридцати раз; впрочем, это вполне обоснованно, поскольку фраза о пантеоне выражает главную мысль как создателя РП, так и его историка: журнал этот не был «партийным» предприятием, хотя существовал в эпоху, когда от литераторов ждали и едва ли не требовали определиться: ты новатор или традиционалист, ты за романтиков или за классиков? РП — и это второй главный тезис Кузена — не был романтическим журналом, хотя и печатал многих авторов, стоявших на романтических позициях, но он безусловно был журналом романтической эпохи.

Я уже несколько раз упомянула фамилию Верона, создателя и первого директора РП; очерк раннего этапа его биографии — одна из самых ярких частей книги Кузена. Верона чаще всего называли «доктор Верон»; он в самом деле получил медицинское образование, хотя по специальности работал всего несколько лет; впрочем, именно на поприще, тесно связанном с медициной, он впервые проявил свой талант, говоря современным языком, медиаменеджера: не только создал совместно с наследником аптекаря Реньо, изобретателя очень популярного грудного эликсира, фирму, торговавшую этим эликсиром, но и поместил в газете «Quotidienne» («Ежедневная») его рекламу — первую медицинскую рекламу во французской прессе XIX в. — и благодаря этому разбогател. Впоследствии, в начале 1850-х гг., Верон выпустил мемуары под названием «Записки парижского буржуа», и в них есть своего рода лозунг, которым он руководствовался и который Кузен цитирует:

«Нужно как можно скорее принять меры, чтобы оказаться где-то и в обществе кого-то; это один из способов стать кем-то» (с. 41). Верон такие меры принимал постоянно: в середине 1820-х гг., отнюдь не будучи святошей, свел знакомство с влиятельными в тот период представителями клерикальной прессы, затем, в 1829 г., при либеральном кабинете Мартиньяка стал печататься в официозной газете «*Messenger des Chambres*» («Вестник палат»). И в этом же году основал вместе с Шарлем Мевилем акционерное общество для выпуска РП. Верон был единовластным директором нового издания, он сам отбирал и сотрудников, и материалы; Мевиль исполнял исключительно обязанности администратора. Верон рассчитывал преуспеть, а для этого стремился поразить публику, поэтому в первых же номерах он опубликовал тогдашних знаменитостей: Вальтера Скотта, Казимира Делавиня, Ламартина, Нодье, Скриба (впрочем, он объявил, что публикует великих и знаменитых среди прочего ради того, чтобы получить возможность давать дорогу безвестным юным талантам, и отчасти это обещание исполнял).

Верон регулярно посещал потенциальных авторов (для этого он специально держал собственных лошадей, что в парижских условиях обходилось недешево); зная, что многие авторы уже продали свои еще не законченные произведения, он стремился на корню скупать новые, еще не написанные. Будучи сам человеком состоятельным, «парижский буржуа» Верон хорошо понимал, что авторы нуждаются в деньгах не меньше издателей: поэтому его гонорарный фонд равнялся 40 тысячам франков в год, и своим авторам он давал возможность достойно зарабатывать литературным трудом. За статью объемом в один печатный лист он платил «обычным» авторам 150 франков, а знаменитостям — 200, притом что издатели вообще за первый роман обычно платили от 800 до 1300 франков; иначе говоря, автор, которого сочли достойным печататься в РП, мог десятком статей и/или переводов заработать больше, чем романом. В частности, Бальзак за публикации в РП в течение девяти месяцев получил больше, чем от издателя Гослена за роман «Шагреновая кожа». Другие периодические издания в первые годы существования РП также не могли конкурировать с ним в отношении авторских гонораров: Верон платил автору постатейно, а, например, сатирический «Фигаро» — построчно, и за статью в полторы колонки в этом ежедневном «малом листке» автор мог получить 9 франков, а за статью в РП, как уже было сказано, 150.

Авторов для РП Верон вербовал в салонах, в частности в салоне Шарля Нодье в Арсенале и салоне Жюльетты Рекамье в Аббей-о-Буа. Верон ставил своей целью соединять авторов под одной обложкой, «не претендуя на единство доктрин и систем»; примерно той же стратегии придерживались хозяева названных салонов, где встречались и мирно беседовали люди самых различных убеждений⁴. Впрочем,

4 Добавлю от себя, что эту атмосферу, в которой встречаются «противники, но не враги» и где приверженцы разных взглядов «оставляют за порогом свою резкость», старались на рубеже 1820—1830-х гг. культивировать не только в некоторых салонах и на страницах РП; о том, как этот же проект воплотился на страницах знаменитого многотомного сборника, см.: *Мильчина В.А.* Парижане о себе и своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного» (1831—1834). М.: Дело, 2019. С. 161—182). Следует, впрочем, отметить, что миротворческую позицию РП занимал не всегда: публикацией в октябре 1829 г. статьи-памфлета Анри де Латуша «О литературной дружбе» (см. ее перевод в кн.: *Мильчина В.А.* «И вечные французы...» Одиннадцать статей из истории французской и русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 91—104) редакция испортила отношения с Виктором Гюго и его соратниками, а статьей Дезире Низара «О начале реакции против легкой литературы» (декабрь 1833 г.) бросила вызов почти всем новым течениям в прозе и драматургии; впрочем, и ответ Жюль Жанена, одного из главных «антигероев» этой статьи, был

Верон, мысливший свой журнал не только литературным и интеллектуальным, но и модным изданием для фешенебельной публики, находил авторов не только в салонах, но и в других центрах тогдашней общезнательности — в элегантных кафе, на Бульваре⁵.

Верон не был профессиональным журналистом (хотя его предисловие к первому выпуску РП и некоторые другие редакционные пояснения, которые цитирует Кузен, — тексты умные и точные), но он придумал и воплотил в жизнь журнал нового типа и его финансовое обеспечение, то есть, как сказали бы сегодня, сделался успешным медиаменеджером.

Для РП Верон был настоящим отцом-основателем, но сам он, поставив журнал на ноги, довольно быстро переключился на проект еще более амбициозный: в 1831 г. он получил должность директора-антрепренера парижской Оперы, которая, несмотря на государственное вспомоществование, находилась в бедственном положении (дефицит ее бюджета составлял 1 миллион франков); на шесть лет государство отдало Верону Оперу для эксплуатации за свой счет, и он блистательно справился с задачей ее «воскрешения» (среди прочего за счет платных балов-маскарадов, которые с огромным успехом проходили там во время карнавала). После короткого «пересменка», когда журналом руководил один из акционеров РП, литератор Шарль Рабу, директором РП сделался Амедей Пишо — в отличие от Верона, профессиональный литератор и переводчик с английского. Казалось бы, при Пишо журнал продолжал ту же линию, чуждаясь любых крайностей, и ультра-романтических, и ультраконсервативных. Верон блюл вкусы своего читателя — «приличного», добропорядочного — и, например, поначалу не захотел печатать «озорной рассказ» Бальзака «Красавица Империя», поскольку опасался шокировать своего читателя текстом не в меру антиклерикальным и гривуазным (и напечатал лишь после того, как Бальзак внес в текст правку); сходным образом Пишо не принял у своего приятеля Библиофила Жакоба (псевдоним Поля Лакруа) текст, где адюльтер изображен слишком «элегически». И тем не менее Пишо чувствовал литературную и политическую конъюнктуру гораздо хуже, чем Верон, и это обусловило трудности, с которыми столкнулось издание. Вдобавок в 1831 г. у РП, как уже упоминалось, появился конкурент, история которого достойна отдельного рассказа. Франсуа Бюлоз, служивший корректором в той типографии, где печатался РП, и хорошо его изучивший, воскресил журнал «Revue des Deux Mondes», стоявший на грани банкротства и не поступающий к подписчикам в течение пяти месяцев, преобразовал его из скучного географического журнала в «обозрение» по модели РП, принялся заключать эксклюзивные контракты с его знаменитыми сотрудниками (в частности, с Альфредом де Мюссе и с Альфредом де Виньи), а в 1834 г. просто купил РП, близкий к разорению, и, сохранив название, понизил его статус до придатка, «передней» своего главного журнала. Именно этим объясняются временные рамки, избранные Кузеном для своего исследования: 1829—1834. Журнал под названием «Revue de Paris» продолжал выходить до 1845 г., но этот был уже не тот, прежний РП; то же самое в еще большей степени относится и ко «второму РП», выходившему в 1851—1858 гг. под редакцией Теофиля Готье, Арсена Уссе и их коллег.

незамедлительно напечатан в том же РП в январе 1834 г. Что же касается политики, то здесь о поклонении всем богам речи вовсе не шло; безымянные авторы «Политического обозрения» занимают совершенно определенную позицию: за конституционную монархию, против республики и анархии.

5 За подробным толкованием понятия «Бульвар» Кузен отсылает к ставшей уже классической книге Анны Мартен-Фюжье «Элегантная жизнь, или Как возник “весь Париж”, 1815—1848» (1990, рус. пер. О.Э. Гринберг и В.А. Мильчиной — 1998).

Книга Кузена так богата разнообразными подробностями, что даже упомянуть их в рецензии не представляется возможным, можно только очертить основные вехи. Глава о политическом контексте показывает эволюцию РП. И до Июльской революции, и после журнал старался избегать крайностей, однако до революции очень многие тексты выражали либеральные взгляды и предупреждали об опасностях государственного переворота (между прочим, знаменитая пророческая фраза публициста Сальванди «Мы танцуем на вулкане» была опубликована за полтора месяца до революции именно на страницах РП). После революции журнал ненадолго становится открыто политическим (отсюда появление специальной рубрики); 15 августа 1830 г. устами Верона РП утверждает «наущную необходимость дать литераторам доступ к управлению государством», коль скоро журналисты сыграли активную роль в революции, а в следующих выпусках тщательно фиксирует имена тех журналистов, которые в самом деле получили государственные должности от нового правительства. Но этот политический всплеск длится недолго, и уже в 1832 г. журнал под руководством Пишо от энтузиазма переходит к разочарованию в любых крайностях, как революционных, так и ультрамонархических, и отныне придерживается позиции «золотой середины».

Еще более богата фактами и подробностями глава о месте РП в «поле» тогдашней периодики. Здесь и характеристика тех английских изданий, на которые ориентировался Верон: к ежеквартальным *review*, которые, впрочем, не печатали художественной литературы, следует прибавить ежемесячные *magazines*, прежде всего «*New Montly Magazine*», ежемесячник, в отличие от многочисленных политических *magazines*, посвященный преимущественно литературе; эти английские издания послужили источниками для двух изданий, вышедших во Франции: англоязычного «Вестника Галиньяни» («*Galignani's Messenger*») и франкоязычного «Британского обозрения» («*Revue britannique*»). Здесь и «портреты» французских изданий, возникших до основания РП и сблизившихся с ним в том или ином отношении: «Французского Меркурия в XIX веке» («*Le Mercure de France au XIXe siècle*»), где, однако, печатались только поэзия и литературная критика, и «Энциклопедического обозрения» («*Revue encyclopédique*»), имевшего подзаголовок «Анализ самых замечательных произведений литературы, наук и художеств»; этот журнал был близок РП широтой кругозора, но невыгодно отличался тяжеловесным стилем разговора с читателем; Верон назвал его «полезным, но неудобоваримым». Легкости тона не хватало и журналу «Земной шар» («*Globe*») — серьезному изданию, адресованному интеллектуальной элите; к тому же ни «Земной шар», ни «Французское обозрение» («*Revue française*»), которое так же, как и РП, печатало наряду с рецензиями аналитические статьи о литературе, не помещали на своих страницах ни прозы, ни пьес. Однако если до 1830 г. РП был уникален, то к 1833 г. у него уже появились разнообразные конкуренты. С одной стороны, начали выходить многотиражные издания «Живописный журнал» («*Le Magasin pittoresque*») Эдуарда Шартона и «Семейный музей» («*Musée des familles*») Эмиля де Жирардена, более дешевые и потому адресованные более простонародным читательским массам: тираж у этих журналов доходил до сотни тысяч, тогда как у РП в 1834 г. подписчиков имелось всего 906. С другой стороны, появились журнал «Артист», по качеству близкий к РП, но посвященный преимущественно изобразительному искусству, уже упоминавшийся «*Revue des Deux Mondes*» и некоторые другие, близкие к РП по качеству и структуре. Кроме того, опасную конкуренцию составляли тексты, помещавшиеся в нижней части ежедневных политических газет (это пространство именовалось «фельетоном»): здесь печатались рецензии, а с 1833 г. также и небольшие рассказы, причем платили фельетонистам лучше, чем авторам РП, а известность они завоевывали большую.

Как бы то ни было, новаторство РП как журнала, который стал печатать на своих страницах художественную прозу и пьесы, неоспоримо. В рассказе о литературе, опубликованной в РП, Кузен уделяет преимущественное внимание жанровому репертуару. Он задается вопросом: РП — это собрание уже готовых жанров или лаборатория, где они формируются? — и выбирает второй вариант. Правда, сам он делит новеллы на экзотические, исторические, фантастические. Но в то же время признаёт, что это распределение по жанрам чересчур ригористично, а на самом деле авторы экспериментируют и смешивают жанры. Между прочим Кузен делает одно терминологическое уточнение, весьма существенное для переводчиков с французского. Дело в том, что в РП печатались преимущественно тексты малой прозаической формы, которая по-французски обозначается словом *conte*, создающим для переводчиков немало проблем. Дело в том, что первое его словарное значение — сказка, однако совершенно очевидно, что *contes* Шарля Перро — это не те *contes*, которые сочинял Вольтер, и тем более не те *contes*, которые печатались на страницах РП. Так вот, со ссылкой на авторитетного исследователя французских *contes* Рене Годенна Кузен заверяет, что те *contes*, с которыми имеет дело он, — это не что иное, как новеллы. Или, добавлю от себя русские синонимы, рассказы и/или повести. Давая определения разновидностям новеллы, Кузен неоднократно подчеркивает, что предпочитает исходить из классификаций и определений описываемой эпохи, поскольку определения, данные современными исследователями, оказываются подчас неприложимы к прозе РП; так, он настаивает на том, что знаменитое определение фантастики в литературе, данное Цветаном Тодоровым, для «фантастических» новелл РП не подходит, поскольку никакой неопределенности, никаких колебаний между правдой и выдумкой в них не наблюдается, и вообще «фантастический» здесь зачастую следует трактовать как «фантазийный».

РП, конечно, был не первым изданием, где печатались рассказы, но опубликовав уже во втором, майском томе 1829 г. «Матео Фальконе» Мериме, а затем продолжив публиковать произведения в сходном жанре, он быстро ввел новеллы в моду и способствовал их чрезвычайной популярности. Рассказы в РП публиковались в таком количестве, что журнал заслужил прозвище «*revue conteuse*» (журнал-рассказчик), а страшный рассказ-новелла стал даже предметом напечатанной здесь же, в РП (1833, т. 54), метатекстуальной пародии Жюль Жанена (мастера этого жанра), озаглавленной «Сто тысяч первая и последняя новая новелла» (здесь герой на спор сочиняет за ночь «типичную» неистовую новеллу).

РП стал «лабораторией жанров» не только для короткой прозы, но и для драмы. Кузен подробно описывает эволюцию, которую претерпели на страницах журнала две разновидности этого рода словесности: пьесы-пословицы и исторические сцены.

Наконец, РП был лабораторией жанров не только литературных, но и литературно-критических. Именно на ее страницах родился под пером Сент-Бёва жанр литературного портрета, причем Верон поместил литературные портреты Сент-Бёва, посвященные авторам XVII в., прежде всего законодателю «классиков» Буало, в рубрику «Древняя литература», и это вызвало большой скандал, ведь таким образом «классиков» отлучали от современного литературного процесса, тогда как литературные староверы хотели бы видеть их его полноправными участниками.

К заслугам РП Кузен относит также расширение литературного пантеона в хронологическом плане (именно на страницах журнала, например, увидел свет в августе 1831 г. очерк Шарля Нодье, «воскресивший» прочно забытого Сирано де Бержерака) и в плане, так сказать, географическом: РП неизменно пропагандировал произведения иностранных писателей, причем не только английских, немецких или итальянских, но и гораздо более экзотических скандинавских (в январе 1832 г.

газета «Фигаро» издавалась над РП, который радуется своих читателей «шведскими и копенгагенскими [sic!] именами», произнося которые можно «сломать язык»).

И еще одно важнейшее «изобретение» РП, уже не узкожанровое. Авторы литературно-критических публикаций РП воплощали в жизнь известное утверждение Бональда о том, что литература — выражение общества. Они не просто рассказывали о тех или иных произведениях, но помещали своих «героев» в контекст эпохи. Именно таким образом Сент-Бёв писал свои «литературные портреты»; таким же образом Филарет Шаль, один из основных авторов РП, рассказывал об английской литературе. В октябре 1833 г. Шаль публикует очерк о Дефо — «не просто биографию, а полную картину эпохи», как аттестовал ее тогдашний директор РП Амедей Пишо. Декларация Шаля (от которой, пожалуй, не отказались бы иные представители школы «Анналов») гласит: «Те, кто создают историю войн, хронику фактов, международных договоров и смены династий, полагают, будто пишут историю, — и ошибаются; им недостает всего-навсего истории партий, умственных движений и их тайных причин. Я вижу, как стрелка движется по циферблату и показывает время: но какой внутренний механизм ею движет? Этого не говорит никто» (с. 620).

И тот же Шаль в статье о Гоцци (декабрь 1830 г.) произносит страстный монолог в пользу изучения разных литератур и разных авторов, включая забытых и малоизвестных: «Литература — это история. <...> Та литература, которая в эпохи бурной деятельности становится предметом высокомерного презрения, содержит разгадку мироздания. <...> Книги не только не затемняют горизонт, но, напротив, его освещают. Иное туповатое сочинение служит великолепным памятником. <...> В самых глупых строках потомки наши разглядят жизнь целой партии, важный и загадочный фрагмент истории нашего века» (с. 631—632).

По приведенным цитатам видно, что Кузен в совершенстве владеет искусством выбирать эффектные и характерные фрагменты и к месту их приводить, поэтому его «энциклопедия» еще и собрание ярких фрагментов и образцов стиля.

Монография Кузена — это даже не столько портрет одного журнала, сколько, можно сказать, его рентгеновский снимок, причем постоянно сопоставляемый с литературным и политическим контекстом. Бывают книги очень увлекательные и блистательные, но, в сущности, бесполезные. А бывают книги, которые не блещут никакими сногшибательными концепциями, но пользу их, что называется, трудно преувеличить. Ослепительных открытий у Кузена нет, если не считать таковыми идею, что матрица «толстого журнала-обозрения» — не «Revue des Deux Mondes», а РП, а также утверждение, что РП был не романтическим журналом, а журналом романтической эпохи. Но зато панорама, нарисованная Кузеном, принесет пользу очень многим исследователям французской литературы и периодики, да и вообще всем, кто изучает историю журналов — этих, по выражению Фаддея Булгарина, «шакалов просвещения и образованности»⁶.

6 Ср.: «Когда лев идет на добычу, за ним следуют всегда по пятам шакалы, чтоб жить остатками львиной трапезы. Журналы — шакалы просвещения и образованности. Лишь только покажется просвещение в какой-либо стране, тотчас являются журналы и газеты!» (Северная пчела. 1842. 4 апр.).